

Е.Н. Ермолаева, Н.С. Соколова
Кемеровский государственный университет

**Ингерентно-метафорическое соотношение бытийных категорий
CONFLICT и FIRE в англоязычной лингвокультуре**

Аннотация: В статье освещается проблема метафорической концептуализации действительности, основанной на ассоциативном соотношении абстрактных и базовых (конкретных) категорий. Метафора рассматривается как когнитивный механизм, структура, соединяющая ментальные репрезентации с чувственной и опытной основой, в формировании которой существенную роль играет культурная среда. Иллюстративным примером выступает ингерентно-метафорическая аналогия между бытийными категориями «конфликт» и «огонь», исследуемая на материале современной английской фразеологии.

The article focuses on the issue of metaphorical conceptualization of reality based on the associative correlation between abstract and basic (concrete) categories. Metaphor is considered as a cognitive mechanism, a structure relating mental representations to perceptual and experiential ground which is influenced by the cultural environment. The inherently metaphorical analogy between the existential categories «conflict» and «fire», analyzed through contemporary English phraseological units, serves as an example of the stated theory.

Ключевые слова: бытийные категории, метафора, когнитивная модель, фразеологическая единица, фреймовый анализ.

Existential categories, metaphor, cognitive model, phraseological unit, frame analysis.

УДК: 811.111'42.

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, факультет романо-германской филологии. Тел. (3842) 583885. E-mail: enermolaeva@yandex.ru; sokolova-rgf@yandex.ru.

Возобновление интереса к исследованию бытийных категорий является одной из очевидных тенденций развития современных человековедческих наук. Всестороннее изучение данных категорий представляет собой одну из возможностей реализации современными антропологическими науками «постоянно растущего стремления к более углубленному анализу природы человека во всем многообразии форм ее проявления» [Малинович, 2003, с. 7]. На современном этапе развития антропологии общепризнанным является тот факт, что наилучший доступ к исследованию многообразных проявлений природы человека обеспечивает язык. Данное утверждение восходит к трудам В. фон Гумбольдта, понимавшего язык как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт, 1984, с. 41]. Признание приоритетности языка в осмыслении многомерного феномена человека поставило языкознание на одно из ведущих мест среди наук антропологического цикла, а «человек, *anthropos*, провозглашен основополагающей величиной, центром, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи и методы современной лингвистики» [Попова, 2002, с. 69]. В контексте этой основополагающей идеи особую актуальность обрете-

тают исследования, нацеленные на изучение познания человеком окружающей действительности, обработки поступающей в процессе освоения мира информации и ее отражения в языке.

Комплексное лингвистическое описание содержательных сущностей, определяющих бытие человека и всего общества, базируется на исследовании концептов, инкорпорирующих наивно-языковые представления о данных бытийных сущностях в сознании носителей языка (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, А. Вежицкая, С.Г. Воркачев, Д.О. Добровольский, Р. Джекендофф, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Д.С. Лихачев, М.В. Малинович, Ю.М. Малинович, Н.Н. Панченко, С.Н. Плотнокова, В.И. Постовалова, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Л.О. Чернейко и др.).

Изучение бытийных категорий в контексте вопросов познания и осмысления человеком окружающей действительности обеспечивает доступ к исследованию их когнитивного измерения, которое формируется знаниями и представлениями индивида об этих феноменах. Такой вектор исследования бытийных категорий возможен лишь при обращении к основным установкам когнитивной науки, центральным объектом которой является когнитивная деятельность человека, понимаемая как «адаптивная и регулятивная деятельность по переработке информации, осуществляемая человеком» [Касевич, 1989, с. 8].

В рамках когнитивной науки особое место занимает когнитивная лингвистика, поскольку язык является главной составляющей когнитивной деятельности человека, сводя воедино и обобщая всю информацию, поступающую по другим каналам: через зрение, слух, осязание, обоняние и т. п. [Болдырев, 2000, с. 27]. Разнообразная информация, приобретаемая человеком в процессе когнитивной деятельности, запечатлевается, прежде всего, в значениях лексических единиц естественного языка. В таком случае возникает закономерный вопрос о том, каким образом носители языка удерживают в памяти огромное множество нетождественных друг другу единиц, характеризующихся индивидуальным звучанием и значением. В формате когнитивной лингвистики предлагается основополагающее решение этой проблемы: в мозгу (психике) человека знания упорядочены и четко структурированы. За значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные структуры, т. е. определенным образом организованные участки когнитивного пространства человека, формируемого всей совокупностью знаний и представлений индивида [Касевич, 1989; Кубрякова, 1996].

Структурирование знаний происходит в процессе концептуализации, заключающемся в осмыслении поступающей информации и приводящем к образованию содержательных единиц сознания, отражающих опыт человека, которые получают название концептов [Кубрякова, 1996, с. 93]. Процесс концептуализации тесно связан с процессом категоризации знаний, который представляет собой процесс структурирования мира, позволяющий сводить разнообразие познаваемых явлений к чему-то единому, группировать объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы. Концепты как непосредственные результаты процесса концептуализации соотносятся с рядом взаимосвязанных концептов в процессе категоризации. Определенный концепт, таким образом, занимает некоторую ячейку в сознании человека. При этом категоризация сопровождается фиксацией выделяемых признаков, свойств и отношений языковыми средствами [Манерко, 2000, с. 39–41].

Одной из универсальных категорий, определяющих бытие человека, является категория конфликта, вокруг которой формируется соответствующий концепт. Концепты со сложной, неоднозначной структурой, отражающие в сознании человека некие философские, психологические, социальные категории большей или меньшей степени абстрактности, зачастую подвергаются метафоризации, позволяющей сделать абстрактное легче воспринимаемым. По утверждению ряда ис-

следователей, сама концептуальная система человека, в терминах которой он мыслит и действует, фундаментально метафорична по своей природе: в сознании человека существуют глубинные структурные отношения между группами концептов, позволяющие структурировать одни концепты (более абстрактные) в терминах других (более конкретных) и предопределяющие тем самым всепроникающий характер метафоры в языке и речи [Блэк, 1990; Маккормак, 1990; Ортега-и-Гассет, 1990; Чернейко, 1997; Kovecses, 1999; Lakoff, Johnson, 1980].

В рамках такого подхода метафора рассматривается как мощный механизм концептуализации действительности, «могущественный инструмент мышления» [Минский, 1988, с. 291], «орудие мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля» [Ортега-и-Гассет, 1990, с. 72]. Метафора предстает не только как способ экспликации концептов посредством языка, стилистический прием, троп или фигура речи, но, в более широком смысле, как способ осмысления окружающего мира, когнитивный механизм, заключающийся в видении одного объекта через другой, доступ к исследованию которого обеспечивает язык.

Основатель когнитивной теории метафоры Дж. Лакофф называет вышеизложенный когнитивный механизм концептуальной метафорой, понимая ее как схему, унифицированную когнитивную структуру, соединяющую ментальные репрезентации с чувственной и опытной основой, в формировании которой существенную роль играют предшествующий опыт человека и культурная среда, в которой он живет [Lakoff, Johnson, 1980].

Концептуальная метафора относится не к отдельным изолированным объектам и явлениям, а к сложным мыслительным пространствам в совокупности всех их элементов, свойств и качеств, которые в процессе познания соотносятся через метафору с элементами, свойствами и качествами более простых или конкретно наблюдаемых пространств. Одно и то же мыслительное пространство может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор. В целом, концептуальная система человека содержит тысячи конвенциональных метафорических схем, «встроенных» в обыденное мышление и являющихся неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, 1993].

Для именования механизма перехода от одной концептуальной области к другой Дж. Лакофф использует термин «концептуальное картирование (conceptual mapping) сферы-источника, или области-донора (source domain), на сферу-мишень, или область-реципиент (target domain)» [Lakoff, 1993, с. 203]. Внешней (материальной) реализацией картирования одной концептуальной области на другую являются разнообразные метафорические выражения (слова, фразы или целые предложения). Важным моментом при этом является утверждение о том, что связь между концептуальной метафорой и порожденными ею метафорическими выражениями не случайна. Каждый пример концептуального картирования представляет собой четко структурированный набор онтологических соответствий между конститuentами сферы-источника и сферы-мишени, актуализирующихся в метафорических выражениях.

Имя концептуального картирования имеет вид пропозиции TARGET DOMAIN IS SOURCE DOMAIN, а сами метафорические модели являют собой модели перехода от пропозициональных моделей одной области к соответствующей структуре другой области [Lakoff, Johnson, 1980, с. 32]. Нанесение структуры концепта из сферы-источника на «карту» сферы-мишени совершается с учетом Принципа Инвариантности (The Invariance Principle), согласно которому в сфере-мишени сохраняется структура и иерархия отношений и характеристик сферы-источника [Lakoff, 1993, с. 215].

Для объективного выявления концептуальных метафор, формирующих образную составляющую концепта и поддерживающих данный концепт в языковом

сознании, необходимо «выстроить мост» между метафорическими выражениями (языковыми метафорами) и концептуальной метафорой, реализацией которой они являются. Дж. Стин предложил методику объективной идентификации концептуальной метафоры, состоящую из пяти взаимосвязанных процедур анализа метафорических выражений, извлеченных из большого количества достаточно объемных отрезков дискурса:

1. Идентификация фокуса метафоры, позволяющая выявить активированный в сознании концепт, который не соотносится с референтом, отраженным в исследуемом отрезке дискурса, в буквальном смысле. Наличие двух концептуальных сфер (буквальной и небуквальной) указывает на факт наличия небуквального сходства сущностей и отношений внутри и между ними. Особое значение имеет анализ «стертых / мертвых» языковых метафор, поскольку именно они, воспринимаемые носителями языка уже как буквальное выражения, обеспечивают возможность выявления конвенциональных метафорических схем, посредством которых члены данного языкового сообщества концептуализируют окружающий мир.

2. Идентификация метафорической идеи, т.е. выявление связи между буквальной и небуквальной составляющими метафоры.

3. Идентификация небуквального сравнения, т.е. установление сходных свойств двух сравниваемых концептов. В общем виде сравнение выглядит как пропозиция: *Some property of A is like some property of B*.

4. Идентификация небуквальной аналогии, представляющая собой заполнение пустующих слотов общей компаративной структуры.

5. Идентификация метафорического картирования, т.е. выявление полного метафорического переноса одной концептуальной области (сферы-источника) на другую (сферу-мишень) с учетом всей системы концептуальных соответствий между ними [Steen, 1999].

Иллюстративным материалом для демонстрации вышеизложенного служит выявленная нами ингерентно-метафорическая корреляция между абстрактной категорией конфликта и базовой категорией огня, сформировавшейся в сознании человека задолго до того, как он начал произносить первые слова. Огонь, как известно, входит в число «универсальных элементов человеческого опыта» наряду с такими понятиями как «день», «ночь», «солнце», «растительный мир», «небо», «земля» и т. д. Он культурно и экзистенциально значим для человека. Это позволяет отнести огонь к числу базовых когнитивных категорий, чье «содержание не зависит от того, на каком языке говорит человек, а определяется теми когнитивными факторами, на которых строится вся познавательная деятельность человека» [Кравченко, 2004, с. 21]. Подобные фундаментальные человеческие концепты лежат в основе метафорического переосмысления более сложных, абстрактных категорий.

Наиболее яркими метафорическими выражениями, объективирующими концептуальные метафоры в языке, являются фразеологические единицы, поскольку для них «в большинстве случаев характерно наличие более или менее живой внутренней формы» [Добровольский, 1996, с. 71]. Мотивированность соответствует природе человеческой психики, обладая способностью объяснять любое название. В мотивированных наименованиях в той или иной степени закреплены итоги познавательной деятельности человека в его взаимоотношениях с окружающим миром.

Фразеологические структуры представляют собой «устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, не образующиеся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний» [Кунин, 1996, с. 5]. По своей сути фразеологические единицы (далее ФЕ) – это «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для ото-

бражения ситуации в тексте, но представленные в фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [Телия, 1996, с. 8]. Как следствие, интерпретация ФЕ дает новые возможности для выявления особенностей концептуализации объектов внеязыковой действительности наивно-языковым сознанием, а сам фразеологический состав языка и система образов, закрепленных в нем, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения: он – «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 9].

Выявление когнитивных моделей, задействованных в формировании значения ФЕ, возможно посредством комплекса процедур над концептуальными структурами, в которых аккумулируется знание человека о мире. При этом происходит актуализация тех или иных имплицитных структур значения, входящих в базовый фрейм или сценарий, стоящий за лексической единицей.

При проведении анализа фразеологических единиц, отсылающих к ситуации конфликта, используется методика выявления концептуальных преобразований, участвующих в процессе семантической деривации фразеологического значения, предложенная А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским. Типология элементарных преобразований над слотами и их содержимым включает: замену содержания слота на нехарактерное или даже в некотором смысле противоположное; введение нехарактерного слота со свойственным ему содержанием (прежде слот данного типа отсутствовал); перенесение концептуального содержания слота одного фрейма в другой; интеграцию концептуального содержания слота исходного фрейма в одноименный слот результирующего фрейма; элиминацию слота или подслота; свертывание фрейма в один слот / подслот [Баранов, Добровольский, 1991, с. 9].

Подобные элементарные преобразования над концептуальными структурами в процессе семантической деривации приводят, в свою очередь, к более сложным преобразованиям, в результате которых происходит модификация фреймов и их структур [Баранов, Добровольский, 1991, с. 9]. Пригодность фреймового анализа при описании фразеологического материала обусловлена тем, что фреймы (сценарии) позволяют представить как «поверхностную», так и «глубинную» структуру отдельных фразеологизмов в рамках единой схемы, допуская гибкое описание системных связей внутри фразеологического фонда [Варгунина, 2000, с. 8]. Из исходного для них сочетания слов ФЕ, как правило, «переносят» более чем один признак, поскольку уже само исходное для них сочетание полипризнаково. В дальнейшем это сочетание в процессе переосмысления включается в полупризнаковый классификационный или акциональный фрейм, который уже заполнен подробностями [Телия, 1996, с. 85].

Анализ концептуальных преобразований в пределах одной ФЕ позволяет наглядно представить процессы, происходящие в ходе метафорического проецирования концептуальной информации. Каждое проецирование в таком случае рассматривается как фиксированный образец онтологических соответствий в тех областях, которые могут применяться к структуре знания области-источника или лексической единице области-цели. При этом «роль когнитивных следов исходного смысла в плане содержания идиомы может быть различной и зависит от степени ее семантической прозрачности» [Добровольский, 1996, с. 74].

ФЕ, реализующие концептуальную метафору *CONFLICT IS FIRE*, включают: *burst into flames, strike fire, blow the fire, build a fire under smb., pour oil on the fire (flames), put (throw) the fat in the fire, fan the embers (flame), add fuel to the fire, fight/drive out fire with fire, heap coals of fire on one's head* и т. д.

Конвенциональная метафора *CONFLICT IS FIRE* основана на чувственном опыте индивида, его мировосприятии, имплицитно наличие у конфликта разрушительных свойств, присущих огню, пожару. В основе данной ассоциации лежит и аналогия внезапности и стремительности возникновения и развития конфликта,

также как и огня – пожара (Сравните: рус. Конфликт *вспыхнул* / *разгорелся*. Ссора *вспыхнула*. Война *разгорелась*).

Как конфликтная ситуация, так и процесс горения огня преодолевают общие стадии своего развития: начальную, промежуточную и конечную. Развязка конфликта, его инициирование определенным образом соотносятся в сознании индивида с началом возгорания, разведением огня; эскалация и кульминация конфликта ассоциируются с активным разгоранием огня и пожаром; разрешение конфликтной ситуации соотносится с затуханием огня, тушением пожара. Соответственно, данная метафора разложима на следующие метафорические пропозиции: *STARTING A CONFLICT IS MAKING A FIRE*; *DEVELOPING A CONFLICT IS KEEPING UP THE FIRE*; *ENDING A CONFLICT IS PUTTING OUT A FIRE*.

Метафорическая модель *STARTING A CONFLICT IS MAKING A FIRE* систематизирует такие ФЕ, как: *blow the fire*, *build a fire under smb.*, *burst into flames*, *strike fire*. Исходным сценарием представленных ФЕ выступает сценарий «разведение огня», результирующим – «развязка конфликта».

В исходном сценарии ФЕ *blow the coals (the fire)* слот «способ» заполнен соответствующим содержанием – «раздувание». Терминальное наполнение этого слота проецируется в одноименный слот итогового сценария. При этом содержание слота «побочный эффект» (шум) остается прежним. Отсюда *blow the coals (the fire)* – «поднимать шум вокруг какого-либо дела, поступка; разжигать страсти» [Кунин, 1984].

Аналогичные концептуальные преобразования объясняют возникновение актуального значения ФЕ *strike fire*. В исходном сценарии рассматриваемой ФЕ слот «способ» имеет терминальное наполнение «высечение, раздражение». Данное концептуальное содержание переносится в одноименный слот результирующего сценария. Концептуальное наполнение остальных слотов в свою очередь также подлежит модификации: 1) «твердый камень (например, кремьнь)» (объект воздействия) меняется на «человек»; 2) «искра» (результат) – на «раздражение». В результате ФЕ *strike fire* приобретает значение «вызвать резкую реакцию; задеть за живое» [Кунин, 1984]. Схожий набор концептуальных признаков имеет и ФЕ *burst into flames*.

В ФЕ *build / start / light / set a fire under smb.* – ‘urge or force (a slow or unwilling person) to action’; ‘get (someone) moving; arouse’; ‘stimulate to vigorous action’ [Cambridge International Dictionary of Idioms; Longman Dictionary of Contemporary English, 2003; The Free Dictionary] («заставить кого-л. действовать, оказать нажим на кого-л.» [Кунин, 1984]) исходный сценарий выдвигает на первый план слот «цель», заполненный концептуальным содержанием «вызвать реакцию, побудить к действию». Содержание этого слота картируется в одноименный слот результирующего сценария.

Метафорическая пропозиция *DEVELOPING A CONFLICT IS KEEPING UP THE FIRE* мотивирует появление актуального значения ФЕ *add fuel to the fire*, *pour oil on the fire (flames)*, *put (throw) the fat in the fire*, *fan the embers (flame)* и т. д., предопределяя результирующий сценарий – «развитие конфликтной ситуации».

Исходный сценарий ФЕ *add fuel to the fire* включает слот «цель» с терминальным наполнением «не дать прекратиться, стимулировать» (ср.: ‘make the fire increase or become stronger’ [Longman Dictionary of Contemporary English, 2003]; ‘stimulate’ [Merriam Webster’s Collegiate Dictionary, 2004]). Содержание этого слота переносится в одноименный слот результирующего сценария. В итоге, *add fuel to the fire* приобретает значение ‘make an argument or disagreement worse’ [Longman Dictionary of Contemporary English, 2003], то есть, «обострять конфликтные отношения, усугублять какие-либо чувства». Сравните с русской идиомой *подлить масло в огонь*.

Схожие концептуальные преобразования обусловили возникновение акту-

ального значения ФЕ *pour oil on the fire (flames)* и *put (throw) the fat in the fire*.

В исходном сценарии ФЕ *fan the embers (flame)* происходит замена содержания слота «объект» на нехарактерное – «угли» («пламя»), что приводит к дисфункции и возникновению актуального значения ‘make a fire burn more strongly by blowing or moving the air near it’ [Longman Dictionary of Contemporary English, 2003].

Метафорическая модель *ENDING A CONFLICT IS PUTTING OUT A FIRE* определяет результирующий сценарий ФЕ *drive out fire with fire, fight fire with fire, heap coals of fire on one’s head* – «урегулирование конфликтной ситуации». Исходным сценарием при этом выступает «тушение огня».

В основе ФЕ *fight fire with fire* лежит типовое событие, связанное с тушением огня, превратившегося в природную стихию. Одним из способов тушения пожаров является разведение встречного огня, поскольку выгорание кислорода служит естественной преградой для пожара и приводит к его прекращению. Данная экстралингвистическая информация позволяет более четко представить концептуальные преобразования, происходящие в пределах ФЕ, в исходном сценарии которой возможно выделение слота «способ», заполненного концептуальным содержанием «борьба теми же средствами». Указанная информация переносится в одноименный слот итогового сценария. Как результат, *fight fire with fire* приобретает значение ‘fight back in the same way one was attacked’ [Seidl, 1983; Merriam Webster’s Collegiate Dictionary, 2004; Webster’s Third New International Dictionary of the English Language, 1993]; ‘use the same methods as your opponents in an argument, competition etc.’ [Longman Dictionary of Contemporary English, 2003] – «бороться с противником его же средствами, его же оружием» [Кунин, 1984].

ФЕ *fight fire with fire* пересекается в смысловом отношении с близкой ей по значению ФЕ *drive out fire with fire*, исходный сценарий которой позволяет выделить практически идентичный набор концептуальных элементов.

В исходном сценарии ФЕ *heap coals of fire on one’s head* выделяется локальный слот, имеющий нехарактерное наполнение – «голова» (head), что приводит к дисфункции исходного сценария и позволяет сделать вывод: *heap coals of fire on one’s head* – «решать конфликтную ситуацию нестандартным образом». В дальнейшем это значение специфицируется в актуальное значение ‘be kind to someone who has done wrong to you, so that he is ashamed’ [Seidl, 1983], то есть «вызвать чувство стыда у человека, причинившего неприятность».

Таким образом, метафора представляет собой коллективную двойную категоризацию, основанную на психологической реальности прототипных моделей. В процессе метафорической деривации имеет место соположение понятийной сферы вновь познаваемого обозначаемого и понятийной сферы составляющего уже готовый запас мысли обозначающего [Лапшина, 1998, с. 97]. Образование метафорического значения происходит на основе сходства чувственно воспринимаемых и очевидных свойств денотатов, относящихся к различным концептуальным областям, а также в результате актуализации выделенных путем переосмысления ассоциативных связей, служащих своего рода «мостиком» между отдаленными и столь несходными областями источника и цели. Выделение лежащего в плоскости когнитивного пересечения этих областей признака, выступающего в качестве логической связки между ними, происходит благодаря абстрагирующей деятельности сознания и представляет собой когнитивную по своей природе операцию. Этот признак отражает наиболее релевантные характеристики обозначаемого, объективируемые в сознании индивида на основании имеющегося в его памяти запаса знаний и представлений об этом обозначаемом.

Литература

- Баранов А.Н. Концептуальная модель значения идиомы // Когнитивные аспекты лексики. Тверь, 1991. С. 3–13.
- Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
- Варгунина А.В. Образные сценарии в английской фразеологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2000.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71–93.
- Касевич В.Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989. С. 8–18.
- Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 2004.
- Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М., Дубна, 1996.
- Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). СПб., 1998.
- Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 358–386.
- Малинович Ю.М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. М.; Иркутск, 2003. С. 7–28.
- Манерко Л.А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9: Филология. 2000. № 2. С. 39–51.
- Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. С. 281–309.
- Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 68–81.
- Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. С. 69–77.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Kovecses Z. Metaphor: Does It Constitute or Reflect Cultural Models? // Metaphor in Cognitive Linguistics / Ed. by R.W. Gibbs and G.J. Steen. Amsterdam, Philadelphia, 1999. P. 167–190.
- Lakoff G. Metaphors We Live By. Chicago, London, 1980.
- Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. Cambridge, 1993. P. 202–251.
- Seidl J. English Idioms and How to Use Them / J. Seidl, W. McMordie; предисл. Э.М. Медниковой. М., 1983.
- Steen G. From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps // Metaphor in Cognitive Linguistics / Ed. by R.W. Gibbs and G.J. Steen. Amsterdam, Philadelphia, 1999. P. 57–77.
- Cambridge International Dictionary of Idioms. [Electronic Resource]. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org>.
- Longman Dictionary of Contemporary English / Ed. by D. Summers. Harlow, 2003.

Merriam Webster's Collegiate Dictionary [Electronic Resource] // Encyclopædia Britannica 2004 Ready Reference (128 МБ). – Encyclopædia Britannica, Inc., 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM/DVD-ROM). – Систем. требования: Microsoft Windows 98SE/ME/2000/XP; процессор Pentium 350 МГц; 800×600; 16 бит; звук. устройство (key code: D4MA1ACA00034017).

The Free Dictionary. [Electronic Resource]. Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com>.

Webster's Third New International Dictionary of the English Language: In 3 Vol. Chicago; London; Paris, 1993.